

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ°

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ивонн Линдсей

ШЕЛКОВЫЙ СОБЛАЗН

044

 HARLEQUIN®

Соблазн

Соблазн – Harlequin

Ивонн Линдсей

Шелковый соблазн

«Центрполиграф»

2012

Линдсей И.

Шелковый соблазн / И. Линдсей — «Центрполиграф»,
2012 — (Соблазн – Harlequin)

Прекрасная художница Эйвери Каллен упрямо отказывается продавать коллекцию покойного отца, но Маркус Прайс не остановится ни перед чем и заставит ее изменить решение, даже если для этого ему потребуется затащить в постель одинокую наследницу, томящуюся в золотой клетке...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ивонн Линдсей

Шелковый соблазн

Глава 1

– Мисс Каллен никого не принимает! – раздался яростный крик экономки. Эйвери вздрогнула и поставила бирюзовую кляксу, а потом услышала, как к ней кто-то подходит со спины, вздохнула и отложила кисть. Этим осенним днем в Лондоне и так было пасмурно, а теперь ее еще и прервали, так что света ей потом точно не хватит, да и в любом случае работа над картиной продвигалась не слишком гладко.

«Эх, если бы только страсть к маслу могла заменить все остальное», – устало подумала Эйвери, вытирая руки и оборачиваясь, чтобы все-таки узнать, что случилось.

Обычно экономка без проблем спроваживала непрошенных гостей, отлично зная, как Эйвери ценит уединение. Но, похоже, на этот раз кто-то сумел пробиться сквозь надежную защиту миссис Джексон. И теперь этот человек шел прямо к ней.

Высокий мужчина с короткими темно-русыми волосами выглядел так, будто он только что встал с постели, а щетинистый подбородок говорил о том, что он не брился уже пару дней. В целом он был весьма привлекательным и при этом казался смутно знакомым. Хотя Эйвери наверняка бы запомнила, если бы им довелось когда-либо встречаться. Вот только какой-то упрямый голосок где-то в глубине души настойчиво твердил, что она его уже видела. Этого парня ей показала Маки на Тарлингтонском аукционе в Нью-Йорке. Но Эйвери постаралась затолкать этот голосок куда подальше. Так, только не бояться. И не думать, с какой стати этот незнакомец идет к ней таким уверенным шагом.

Хотя дело не только в страхе. Но подобрать подходящее слово Эйвери было сейчас так же трудно, как и передать красоту отцовского сада маслом на холсте. Но как бы это чувство ни называлось, от него ее щеки заалели, а сердце забилось заметно быстрее. Эйвери постаралась себя заверить, что она просто злится, что ее прервали, хотя прекрасно понимала – злость тут ни при чем.

– Извините, мисс Каллен, я сказала мистеру Прайсу, что вы никого не принимаете, но он просто не стал меня слушать. – Экономка недовольно фыркнула. – Он утверждает, что ему назначено.

– Все в порядке, миссис Джексон, – как можно спокойнее ответила Эйвери, ведь недаром же ее с самого детства учили хорошим манерам и гостеприимству. – Не хотели бы вы выпить чашечку чаю перед тем, как уйти?

– Я бы предпочел кофе, если, разумеется, он у вас есть.

Голос этого человека сразу же выдавал его принадлежность к верхушке бостонского общества, а фамилия окончательно подтвердила догадку Эйвери.

– Прайс? Так вы – Маркус Прайс с аукциона «Ваверли» в Нью-Йорке? – спросила она, когда миссис Джексон, все еще недовольно бурча себе под нос, отправилась варить кофе.

Аукцион «Ваверли» помог ее подруге Маки распродать наследство после кончины матери. И, увидев то, через что подруге пришлось пройти во время этих торгов, сама Эйвери окончательно убедилась, что, независимо от того, любит ли она свое наследие или нет, никогда с ним не расстанется. Тем более что в отличие от несчастной Маки она вполне может себе это позволить.

– Я польщен, вы даже помните мое имя, – улыбнулся Маркус, заставив Эйвери невольно вздрогнуть.

– Зря, – возразила Эйвери, хотя ее и обдавало жаром от одной его близости. – Я уже сказала вам, что думаю о вашем предложении выставить на торги отцовскую коллекцию импрессионистов. Вы напрасно проделали такой дальний путь.

В ответ он лишь улыбнулся. Нет, он, конечно, безумно красив, но Эйвери слишком хорошо знает этот тип мужчин. Уверенный в себе, дерзкий и наглый. Вот только он глубоко заблуждается, если считает, что она позволит уговорить себя и продаст любимую коллекцию покойного отца.

– Мне наконец-то довелось вас увидеть, так что я в любом случае не зря сюда приехал.

Судя по голосу, он точно уверен, что добьется своего.

– Можете мне лишний раз не льстить, мистер Прайс. Многие уже пытались заговорить меня, но ни у кого это пока не получилось.

– Прошу вас, зовите меня просто Маркус.

– Хорошо, пусть будет Маркус, – кивнула Эйвери. – Но это ничего не меняет. Коллекция не продается, и я не понимаю, зачем вы вообще сюда пришли.

– Ваш помощник, Дэвид Херли, договорился о нашей встрече две недели назад, я полагал, что вам об этом известно, но, похоже... – Маркус сощурил зеленые глаза, заметив, как по ее лицу пробежала волна, – судя по вашему виду, он этого так и не сделал. Извините, мисс Каллен, я считал, вы готовы к переговорам.

А он хорош, само очарование и искренность. И Эйвери могла бы даже ему поверить, если бы не задумалась о том, сколько он заплатил Дэвиду за такую забывчивость. Жаль, что помощник ее покойного отца оказался так падок на легкие деньги, ведь как еще Маркус мог добиться этой встречи, о которой мечтал уже не один месяц? Так, нужно не забыть потом разобраться с Дэвидом, который пока что остался в ее родном Лос-Анджелесе. И если он не сумеет все четко объяснить, придется с ним расстаться, несмотря на все его заслуги перед отцом. Ведь доверие трудно заработать, но очень легко потерять.

– Ваш кофе уже наверняка готов, – заявила Эйвери, отказываясь подтверждать или отрицать участие Дэвида в этом деле. – Может, пройдем на веранду?

– С удовольствием.

Указывая дорогу, Эйвери спиной чувствовала его оценивающий взгляд. И каждая клеточка ее тела жалела о том, что на ней не надето ничего более... Ладно, сошло бы что угодно, кроме старых джинсов и футболки, в которых она решила сегодня порисовать. Но она сразу же поспешила отбросить эту дурацкую мысль, ведь не собирается же она очаровывать Маркуса Прайса! Ценой собственных ошибок Эйвери хорошо научилась определять, когда люди просто хотят ее использовать для собственной выгоды, и теперь ни за что не отдаст коллекцию Каллена, которую отец старательно собирал почти три десятка лет.

Они дошли до веранды как раз в тот момент, когда миссис Джексон вкатила туда столик с вечерним чаем, хоть на этот раз их и ждало кофе, и принялась переставлять чашки и блюдечки на небольшой кованый столик, так что Эйвери предложила Маркусу располагаться и угощаться.

– Вам молоко или сливки? – спросила она, разливая ароматный напиток из кофейника с материнским фамильным гербом.

– Спасибо, не надо. Я предпочитаю черный.

– Может, сахару? – продолжила Эйвери, стараясь придерживаться хороших манер.

– Два кусочка, если нетрудно. Эйвери приподняла бровь:

– Два? Хотя, да, понятно, почему два.

– Вам кажется, что меня нужно немного откормить? – насмешливо уточнил Маркус.

– Вы сами это сказали.

Серебряными щипцами положив ему два кусочка сахара, Эйвери любезно протянула Маркусу чашку и блюдечко.

– Спасибо, – поблагодарил он, принимая чашку одной рукой, а второй помешивая кофе ложечкой.

И Эйвери вдруг поймала себя на том, что не может отвести замороженный взгляд от этих сильных рук и тонких пальцев. Такие руки могут принадлежать и художнику, и человеку, привыкшему к тяжелому физическому труду. И от этой мысли Эйвери снова почувствовала, как ее предательское сердце начинает биться чуточку быстрее.

«Мне определенно нужно почаще гулять и общаться с людьми», – решила она, пытаясь успокоиться. Ведь после смерти отца она практически не выходила из дому, если не считать короткую поездку в Нью-Йорк, чтобы поддержать лучшую подругу Маки, когда той пришлось распродавать материнское наследство. Ей определенно пора что-то менять в своей жизни.

Но как бы там ни было, Маркус Прайс явно не для нее.

– Что же касается коллекции Каллена... – начал Маркус, отпивая кофе.

Я не собираюсь ее продавать, и мне больше нечего вам сказать.

Эйвери уже начинала терять терпение, ведь никто даже толком не мог понять, почему она так упрямо отказывалась продавать картины, собирающие пыль в ее особняке в Лос-Анджелесе. Пусть где-то в глубине души она и понимала – ей нужно с ними что-нибудь сделать, например выставить в музее или галерее, чтобы ими могли наслаждаться люди, разбирающиеся в искусстве куда лучше ее. Но она просто еще была не готова расстаться с ними. Отец всю жизнь собирал работы импрессионистов, и Эйвери с самого детства привыкла видеть его радость и удовлетворение, когда ему удавалось заполучить очередное полотно.

Форрест Каллен так искренне и нежно любил каждую свою картину, что Эйвери иногда даже им завидовала. Нет, она, конечно, знала, что на свой манер отец очень любит и ее, но даже после смерти матери, а ей тогда было всего пять лет, они с отцом никогда не были близки. И Эйвери всегда чувствовала, что у отца было лишь две великие любви в жизни – его жена и его коллекция. И теперь она просто не могла взять и продать единственную связывающую ее с отцом ниточку, ведь она всегда его чуть ли не боготворила. Только эта коллекция и сад в лондонском особняке помогали ей почувствовать себя хоть чуточку ближе к нему и ослабляли боль от потери.

Но тут Маркус резко оторвал ее от воспоминаний о прошлом и вернул к реальности.

– Уверен, вы хорошо понимаете, сколько эта коллекция может вам принести, если найти подходящих покупателей.

– Оглянитесь вокруг, Маркус, – насмешливо улыбнулась Эйвери, – с деньгами у меня пока что все в порядке, и пара долларов мне погоды не сделает.

– Ладно, тогда как насчет того, что эти картины заслуживают оказаться в руках тех, кто действительно может оценить их по достоинству?

Эйвери замерла на месте. Неужели Дэвид ему сказал, что большая часть картин ей даже не нравится? Нет, даже он бы на такое не пошел.

– Вы хотите сказать, что я не могу оценить коллекцию моего отца? Вам это не кажется немного самонадеянным?

В ответ Маркус прищурился и пристально на нее посмотрел. И под этим взглядом Эйвери неудержимо захотелось привести себя в порядок или хотя бы поправить непослушные светлые кудряшки, выбившиеся из хвоста и щекочущие ей щеки под дуновением ласкового летнего ветерка.

Я не сомневаюсь, у вас есть какие-то причины не продавать эту коллекцию, но я так же уверен и в том, что вас можно переубедить, назвав подходящую цену.

От такой наглости Эйвери даже рассмеялась:

– Меня не нужно переубеждать, мистер Прайс. – Эйвери специально выбрала более формальное обращение. – А теперь, если вы уже допили кофе, я попрошу миссис Джексон проводить вас.

– А вы вернетесь к вашей картине? – поинтересовался Маркус, даже и не пытаясь подняться.

– Если вы не поняли, я только что попросила вас уйти, мистер Прайс.

– Маркус. Да, вы попросили, причем очень любезно, но, – он подался вперед и провел пальцем по ее заляпанному краской указательному пальцу, – отчего-то мне очень хочется продолжить разговор об искусстве во всех его формах, причем именно с вами.

От этого легчайшего прикосновения у нее перехватило дыхание, а по коже побежали мурашки. И если бы они встретились в другое время и в другом месте, то она не удержалась и подалась бы ему навстречу, чтобы проверить, так ли он убедителен, как и его слова.

Но, к счастью, рядом с ними запела какая-то птичка, и наваждение прошло. Эйвери никогда не гналась за мимолетными наслаждениями, так что Маркусу Прайсу нечего ей предложить. Жизнь, а точнее она сама, стоят куда большего. Эйвери смирив его взглядом, а потом высвободила руку.

– Сожалею, но не могу ответить вам тем же.

– Да ладно тебе. Готов поспорить, ты даже сейчас думаешь, почему у тебя ничего не выходит на холсте.

Похоже, он решил бросить ей вызов.

– Не выходит?

– Ну, я как бы считаюсь общепризнанным экспертом в этой области.

– Возможно, когда речь заходит о торгах.

– Когда речь заходит о том, что стоит выставлять на торги, – невозмутимо поправил Маркус, но в его голосе теперь слышался металл, так что, похоже, ей все-таки удалось задеть его за живое.

– Ну так и почему же у меня ничего не выходит? – спросила Эйвери, принимая вызов, хотя она и ни на секунду не подумала, что он сможет дать ей хоть сколько-нибудь годный совет.

– Потому что ты неверно передаешь свет.

– Свет?

– Пойдем, я тебе покажу.

И не успела Эйвери ничего ответить, как Маркус уже поднялся и взял ее за руку. И ощутив это легкое, но вместе с тем и весьма крепкое прикосновение теплых пальцев, Эйвери почувствовала себя весьма странно. И, не найдя в себе сил сопротивляться, послушно пошла за ним обратно к мольберту с незаконченной работой.

– Или, точнее говоря, ты просто забыла передать свет, – поправил себя Маркус, указывая на сочные краски осенней зелени на ее полотне. – Видишь? Вот здесь и здесь. Где свет, где солнце, где теплота? Где у тебя источник света?

Эйвери сразу же поняла, о чем он говорит, и, смешав краски и взяв чистую кисть, добавила несколько мазков.

– Вот так? – спросила она, отходя на шаг назад.

– Именно. Сразу видно, ты знаешь, что делаешь. И как только ты это упустила?

– Думаю, в моей жизни в последнее время вообще не хватает света, – бездумно признала Эйвери. И я уже перестала искать его.

Глава 2

Наблюдая за ней, Маркус просто не мог не заметить окружавшую ее стену горя, но, заметив, решил не обращать на нее внимания и при необходимости разобраться с этим позже. Ведь сейчас ему просто нельзя упускать возможность продолжить наступление, раз уж все-таки удалось добраться до Эйвери Каллен, избежав чересчур близкого знакомства с ее отлично вышколенными сторожевыми собаками. Маркус уже так близко подобрался к своей заветной цели, что чувствовал, как у него все сжимается внутри. Ведь если он только сможет заполучить коллекцию Каллена, то обязательно станет одним из совладельцев аукциона «Ваверли», а значит, сделает огромный шаг к тому, чтобы вернуть то, что по праву принадлежит его семье.

– Всегда непросто терять близких, – с ноткой сочувствия заметил Маркус.

Эйвери коротко кивнула и отвернулась, чтобы добавить пару мазков, но он все равно успел заметить слезы в огромных голубых глазах. Как нехорошо! Настоящий джентльмен никогда бы не стал напоминать даме о ее горе, вот только он-то не джентльмен, особенно если говорить о происхождении. И пусть Маркус даже и понимал, что по-хорошему ему сейчас нужно было сделать, но он так близко подошел к своей цели, что уже практически чувствовал вкус победы.

А потом Эйвери глубоко вздохнула и заговорила:

– Именно поэтому эти картины мне так и дороги. Больше всего на свете он любил это место, особенно осенью. Он всегда говорил, что здесь чувствует себя ближе всего к моей матери. Судя по вашим словам, вам тоже приходилось терять близких.

– Да, обоих родителей.

Хотя это и не совсем правда, ведь пусть мать и умерла так рано, что он ее даже не помнил, но его отец был все еще жив. Этот человек назначил собственную цену за то, чтобы держаться подальше от Маркуса, и дед охотно заплатил эту цену, а отец, как ни странно, выполнял свою часть сделки и не приближался к сыну.

– Мне очень жаль, Маркус, – прошептала Эйвери, глядя на него с сожалением.

И Маркус почувствовал себя немного виноватым, принимая это искреннее сочувствие, ведь, в конце концов, он совершенно не знал своих родителей. Когда он родился, мать отбывала срок за хранение и распространение наркотиков, так что с самых первых дней своей жизни он оказался на попечении ее отца. А потом, когда ему было два года, она умерла от передозировки наркотиков, без которых не могла обходиться с семнадцати лет. А его собственный отец появлялся лишь тогда, когда чувствовал, что может потребовать с деда еще денег за то, чтобы держаться подальше от Маркуса. И в конце концов дед продал все самое ценное, что у него было, только чтобы откупиться от приятеля своей покойной дочери, и именно поэтому Маркус сейчас и очутился в саду Эйвери.

В ответ он лишь пожал плечами, не собираясь отвлекаться на подобные мелочи. Родителей не выбирают, но зато Маркус вполне может вернуть деду долг, в том числе и картину, которую ему пришлось тогда продать.

– Это случилось уже очень давно, но все равно спасибо, – поблагодарил Маркус, коротко сжимая плечо Эйвери.

Прикосновение вышло совсем легким и мимолетным, но Маркус почувствовал, как его ладонь обдало жаром, и заставил себя разжать пальцы и немного отстраниться. Он уже понял, что она считает его привлекательным, ведь расширенные зрачки и порозовевшие щеки невозможно спрятать, да и то, как она непроизвольно поглядывает на него каждую минуту, тоже о многом говорит. Он бы не преминул воспользоваться этим, но собственное влечение застало его врасплох.

Маркус заставил себя снова сосредоточиться на ее картине.

– А ведь ландшафты – это совершенно не твое, – внезапно заметил он.

– С чего ты это взял? Тебе не нравится?

– Я этого не говорил. У тебя отличная техника, но в данном случае фотография была бы ничуть не хуже.

– Потрясающий комплимент, – буркнула Эйвери, захлопывая коробку с красками и собирая кисти.

– Так в чем же твоя истинная страсть? – не сдавался Маркус. – Что действительно пробуждает в тебе огонь?

Эйвери подняла на него глаза, но теперь она смотрела совершенно иначе. Раньше она разглядывала его как мужчину, а теперь – как предмет.

– Натура, – она пожала плечами, – обнаженная.

Маркус почувствовал, как внутри его просыпается сексуальный голод. Обнаженная натура? А каково бы было ей позировать? Но Маркус поспешил задавить все эти вопросы и потушить вспыхнувший в нем огонь. Мисс Эйвери Каллен с каждой секундой интересовала его все больше и больше, но он совершенно не хотел ее спугнуть. Тем более теперь, когда на кону столько всего стояло.

– Как и у твоего двоюродного прадеда?

– А ты неплохо подготовился.

– Дураки у «Ваверли» не работают.

– Не сомневаюсь. Ты знаешь работы моего прадеда?

– Я изучал его в колледже и всегда обожал картины Бакстера Каллена, – признал Маркус и потянулся к мольберту. – Давай помогу.

– Спасибо.

Маркус как-то даже и не ожидал, что она примет его помощь.

Когда они уже шли к дому, Эйвери спросила:

– А ты сам рисуешь?

– Боюсь, это мне не по силам. Но я всегда умел ценить достойные работы.

– У меня здесь есть полотно Бакстера Каллена, если хочешь, могу тебе его показать, – предложила Эйвери, заходя через двойные стеклянные двери в дом.

На мгновение у Маркуса сердце замерло в груди. Неужели она говорит об «Очаровательной даме», которую он так долго искал, чтобы вернуть деду?

– Если я не помешаю, то с удовольствием на него взгляну, – ответил Маркус, старательно придав своему голосу подходящую нотку любопытства, чтобы не выдать своего истинного необузданного и всеподавляющего желания добраться до этой картины.

– Не мешаешь. Пойдем наверх.

Поднимаясь по широкой деревянной лестнице, застеленной ковром, Маркус чувствовал, как его сердце бьется все быстрее. И, опираясь на отполированные временем и руками перила, он невольно задумался о том, сколько же поколений Калленов прожило в этом доме. Да, этим людям, да и семье ее матери, явно никогда не приходилось ничего продавать из своего имущества, просто чтобы раздобыть денег на еду.

– Когда-то это была детская, – заметила Эйвери, указывая Маркусу, куда поставить мольберт.

Пока она мыла кисти, Маркус успел оглядеть высокий потолок и огромные окна. Да, сразу понятно, почему она выбрала именно эту комнату для домашней студии, но потом всем его вниманием завладела одна-единственная вещь.

Слыша бешеный стук собственного сердца, Маркус медленно подошел к небольшой, но мастерски выполненной картине, на которой обнаженная молодая девушка принимала ванну. Остановившись перед полотном, Маркус глубоко вздохнул и принялся считать от ста до единицы. У него даже в глазах потемнело, так прекрасна была эта работа. И он поймал себя на том,

что ему кажется, будто он сейчас подсматривает за живой девушкой, замершей с полотенцем на изящном плечике.

И на какую-то долю секунды Маркусу нестерпимо захотелось просто сорвать картину со стены и убежать, но он мгновенно подавил это желание. Он слишком долго ждал, чтобы теперь так просто все разрушить, хотя Маркус как-то не думал, что ему будет так сложно увидеть картину, которую деду пришлось продать двадцать пять лет назад.

– Ну разве она не прекрасна? – спросила стоявшая у него за спиной Эйвери. – Видимо, она была одной из служанок в поместье Бакстера, и тогда из-за нее случился настоящий скандал. Изабель, жена Бакстера, уволила служанку, как только увидела эту картину. Изабель заявила, что они стали любовниками, и потребовала, чтобы муж уничтожил эту картину. Но он не стал этого делать. Поговаривают, что Бакстер передал картину этой девушке, но никаких доказательств, кому потом принадлежала эта картина, не существует.

– И что самое интересное, никто даже и не подумал обвинять Бакстера в том, что он использовал служанку ради своей выгоды. – Как Маркус ни старался, но все же ему не удалось до конца скрыть оттенок горечи в своих словах. Весь позор в таких случаях всегда падает на выходцев из низов.

Но Эйвери лишь пожала плечами:

– Я не знаю, винил ли его кто-нибудь или нет. Но похоже, что Изабель была очень сильной женщиной, иначе она бы просто не выдержала поглощенности Бакстера работой.

– И натурщицей.

– Да, – улыбнувшись, признала Эйвери. – Хотя мне иногда кажется, что он видел в ней лишь цвета, оттенки и светотень.

Маркус поспешно сжал зубы, чтобы сдержать ответ, вертевшийся у него на кончике языка. Не стоит говорить Эйвери, что Бакстер Каллен видел в той девушке куда больше, чем просто цвета и светотень.

В конце концов, речь ведь шла о его собственной прабабушке.

Маркус заставил себя перевести разговор с девушки на картину. Увидев картину не в дедушкиной гостиной, а в совершенно чужом доме, Маркус расчувствовался, а ведь его никогда нельзя было упрекнуть в излишней сентиментальности.

– Она всегда меня вдохновляла, – заметила Эйвери.

– Рисовать обнаженную натуру?

– Я говорю не только про работу, но и про жизнь. Она помогает мне искать прекрасное во всем, не обращая внимания на обстоятельства.

– Просто не верится, что тебе нужно специально искать прекрасное, разве тебя окружает что-нибудь иное? – Маркус наконец-то оторвался от картины и посмотрел на Эйвери.

– Ты бы наверняка удивился, если бы узнал о том, что в действительности меня окружает и чего от меня ждут.

Маркус понял, что за этими словами скрыта настоящая боль, но не может же жизнь в таком роскошном месте оказаться слишком тяжелой? Тут он услышал, как где-то в отдалении бьют часы. Похоже, уже поздно. И как бы ему ни хотелось продолжить так удачно начатое наступление, он понимал, что в глубине души она еще так же не готова заключить с ним сделку, как и большинство людей, впервые вынужденных столкнуться с аукционом.

– Думаю, мне пора. Спасибо, что показала мне картину.

– Не за что. Давай я тебя провожу.

Маркус послушно пошел вслед за Эйвери вниз по лестнице, прошел через выложенное черно-белой плиткой фойе и у самой двери обернулся и протянул руку удивленной Эйвери.

Я не собираюсь сдаваться, – предупредил он, улыбаясь.

– Сдаваться? – переспросила она, пожимая протянутую руку.

– Да, я еще обязательно добьюсь того, чтобы ты продала отцовскую коллекцию.

И не надейся, – рассмеялась Эйвери.

– Обычно я всегда получаю то, что хочу, – протянул Маркус, неторопливо оглядывая ее лицо, а потом опуская взгляд ниже, к бьющейся на ее шее жилке.

Под этим взглядом Эйвери слегка покраснела и чуть сжала пальцы, а потом поспешила высвободить руку.

– Видимо, тебе пора узнать, что такое разочарование.

– А по-твоему, я не знаю, что это такое? Эйвери опять покраснела:

– Не мне об этом судить.

– Разочарований на мою долю хватило, но они помогли мне научиться добиваться того, чего я действительно хочу от жизни.

– И больше всего от жизни ты хочешь получить коллекцию Каллена для своего аукциона?

– Сейчас эта коллекция возглавляет список моих желаний. Но у меня много и других желаний.

– Как интересно, – протянула Эйвери, отступая на шаг, как будто это могло помочь ей справиться с любопытством. – Возможно, сегодня за ужином ты мог бы объяснить мне, зачем тебе так сильно понадобилась коллекция моего отца? Здесь ужинают в восемь.

Маркус почувствовал, как его буквально распирает от удовлетворения. Такое впечатление, что он отнял конфетку у ребенка. От категорического «нет» она уже дошла до легкого любопытства. Первый шаг сделан.

– Я бы с удовольствием продолжил наш разговор за ужином, но не здесь. Могу ли я пригласить тебя в ресторан? Мне еще нужно зарегистрироваться в отеле, а потом, – Маркус взглянул на часы, – я вернусь за тобой через два часа. Подходит?

Сперва Маркусу показалось, что она откажется, но Эйвери все же улыбнулась и кивнула:

– Я уже давно никуда не ходила, так что буду рада составить тебе компанию. Значит, в семь?

– Договорились.

Шагая к машине, Маркус изо всех сил старался сохранять достойный вид, а не прыгать и кричать от радости. Каждое слово, каждая секунда приближали его к успеху. Он уже практически видел себя совладельцем аукциона.

Глава 3

Закрыв за Маркусом дверь, Эйвери устало к ней прислонилась. Просто не верится, что она сама пригласила его на ужин! Под прямым взглядом его невозможно-зеленых глаз она чувствовала себя жутко неуютно, и это уже не говоря о том, что он вообще сюда пришел, чтобы уговорить ее продать отцовскую коллекцию.

Но ведь от того, что она проведет еще несколько часов в его обществе, никому хуже не станет?

Два часа. У нее еще есть два часа, чтобы привести себя в порядок до такой степени, чтобы не стыдно было показаться на людях. Эйвери мысленно перебрала все свои наряды, большинство вечерних платьев осталось в Лос-Анджелесе, но и здесь найдется пара достойных вариантов.

Эйвери вздохнула. Ну и кого она пытается обмануть? Ведь он ее пригласил не потому, что она ему приглянулась, а потому, что он хотел заработать процент от продажи отцовской коллекции. Черт, даже при одной мысли об этом в груди болезненно чувствуется пустота потери.

Она ни за что не расстанется с коллекцией, но это не помешает ей развлечься в обществе Маркуса Прайса. Оказалось, что он действительно неплохо разбирается в искусстве, а его реакция на «Очаровательную даму» разбудила в Эйвери любопытство. Эта картина явно произвела на него огромное впечатление. Бакстер Каллен был одним из выдающихся американских художников начала XX века, так что Маркус вполне мог изучать его в колледже, но Эйвери все же чувствовала – за этим стоит что-то еще.

И вдруг она поняла, что Маркус смотрел на эту картину с такой же жадностью, как и на саму Эйвери в саду. Как будто он решил присвоить себе одну конкретную вещь или, в ее случае, человека.

А потом она почувствовала, как по всему ее телу пробежала дрожь, вот только эта дрожь уже не имела никакого отношения ни к страху, ни к любопытству, а лишь свидетельствовала о том, что ее женские инстинкты реагировали на того, кого можно было без зазрения совести назвать доминантным самцом. Ее уже очень давно ни к кому так не тянуло, и это одновременно и пугало, и волновало. А ведь Эйвери уже так долго не позволяла себе ничего чувствовать. После внезапной болезни отца – он все девять месяцев скрывал, что болен раком, так что для нее болезнь стала полной неожиданностью, – и его смерти, Эйвери заперла все свои чувства на замок. А до этого тратила все время и силы на то, чтобы скрасить последние месяцы жизни отца.

Но ее больной отец уже никого и ничего не узнавал, а те люди, которых она называла друзьями, оказались обычными подхалимами, заинтересованными лишь в том, чтобы пользоваться ее влиянием в своих целях, быстро ее оставили, даже не попытавшись поддержать в трудную минуту. Все, кроме Маки, ее единственной настоящей подруги, вот только находясь за океаном, она мало чем могла помочь Эйвери.

И когда все эти так называемые друзья от нее отвернулись, Эйвери вдруг поняла, как она на самом деле одинока. Нет, после того как о кончине отца написали в газетах, некоторые из них даже ей звонили, но не затем, чтобы посочувствовать и поинтересоваться, как она, а для того, чтобы узнать, когда она собирается к ним возвращаться, ведь без ее денег многим из них пришлось забыть о роскошных ресторанах, дорогом шампанском и лимузинах. Эйвери вдруг поняла, что позволяла себя нещадно использовать – только для того, чтобы чувствовать себя частью чего-то общего, веселого и беззаботного.

И когда ее глаза наконец-то открылись, первым делом она внимательно присмотрелась к самой себе. Ведь во всем виновата она сама. И уже через неделю после смерти отца Эйвери твердо пообещала себе, что никому и ни за что не позволит снова себя использовать. Так что,

забыв обо всех своих прошлых знакомых, она полностью погрузилась в свое горе и стала, как издавна было принято в их семье, поддерживать различные благотворительные организации, связанные с искусством. И иногда даже мечтала о том, что создаст свою собственную благотворительную программу, направленную на поддержку детей, мечтающих посвятить себя искусству.

Эйвери отлепилась от двери и пошла наверх. Ладно, с Маркусом Прайсом хотя бы сразу понятно, чего он хочет. Одну лишь коллекцию Каллена и ничего больше. Нет, он, конечно, может походя сделать ей парочку комплиментов, заставив почувствовать себя живой женщиной с горячей кровью в жилах, вот только дальше этого он не пойдет. Так что она может смело идти ему навстречу, главное – держать глаза широко открытыми, тогда ей точно ничего не грозит.

Маркус остановил взятый напрокат «ягуар» на подъездной дорожке Калленов. Он весь горел в предвкушении нескольких часов в обществе Эйвери Каллен. От нее было весьма непросто добиться желаемого, но в конечном итоге он свое получил, и это главное. Да и провести весь вечер в ее компании – одно удовольствие. Эта холодная спокойная красавица больше всего напоминала ему ледяную принцессу. Ледяную принцессу, готовую вот-вот растаять.

Вот только женщину, открывшую ему дверь, у него просто язык не поворачивался назвать холодной, и от такой внезапной перемены Маркус почувствовал, как его обдало жаром. Завернутая – другого слова он просто не сумел подобрать, чтобы описать то, как на ней держалось платье, – в красный шелк, Эйвери собрала светлые волосы в высокую прическу, ярко накрасила губы в тон платью и ничем не походила на ту холодную ранимую женщину в джинсах и футболке, которую он встретил сегодня в саду.

На пару секунд Маркус замер, пораженный этой ослепительной красотой, пробудившей в нем волну желания.

– Отлично выглядишь.

– Спасибо. Ты тоже неплохомотришься.

– Тогда пойдем, – сказал Маркус, предлагая ей руку.

– И куда мы идем? – поинтересовалась Эйвери, изящно опираясь на него.

И Маркус с готовностью назвал ресторан, который она точно должна была одобрить.

– Хорошо, а то я там уже давненько не была, – кивнула она.

Обычно, чтобы попасть в этот ресторан с уединенными кабинками и превосходной кухней, нужно было бронировать столики на много дней вперед, вот только Маркус не зря учился в лучших школах и колледжах Бостона и успел обзавестись нужными знакомствами. Так что стоило ему позвонить бывшему соседу по комнате в колледже, ставшему видным финансовым деятелем в Лондоне, как двери ресторана легко и непринужденно раскрылись перед ним.

Галантно усадив Эйвери в машину, Маркус сел за руль.

– А ты точно уверен, что левостороннее движение тебя не смущает?

– Но сюда-то я как-то доехал. А если серьезно, я достаточно часто бываю в Великобритании, так что тебе не стоит волноваться о своей безопасности.

А потом про себя добавил, что волноваться о безопасности на дороге ей не нужно. А вот ужин и уж тем более то, что последует за ужином, если оно, конечно, последует, – это уже совсем другая история. Ведь Маркус уже всем телом чувствовал настойчивую потребность обладать ею, хотя и старался не обращать на это внимания. Однако его тело, и особенно некоторые его части, слишком уж настойчиво напоминали о себе. И теперь, сидя рядом с ней в машине, Маркус чувствовал ее тончайший цветочный аромат и гадал, окажется ли она такой же сладкой и на вкус. Но, сжав пальцы на руле, он заставил себя выбросить все ненужные мысли из головы. У него еще будет куча времени подумать о том, какие чувства у него вызывает Эйвери, а сейчас ему нужно просто добиться того, чтобы она согласилась на дальнейшие

переговоры. Так что он не позволит обычному физическому влечению встать на пути у самой важной сделки за всю его жизнь.

Они на удивление быстро добрались до ресторана, и Маркус вышел из машины, чтобы помочь выбраться Эйвери, а заодно чтобы насладиться видом ее прекрасных стройных ножек, обутых в серебряные босоножки на высоченном каблуке, от которых у него сразу же разыгралось воображение. И Маркус еще раз отметил ее практически неземную красоту.

Когда они вошли в ресторан, головы всех присутствующих сразу же повернулись в их сторону, а метрдотель поприветствовал их обоих по именам. Хотя чего он, собственно, удивляется? Ведь он уже успел узнать, что, хоть Эйвери и росла скромной девочкой в Калифорнии, это не отменяло того, что вся ее жизнь была пропитана роскошью и привилегиями, а последние годы она жила не только в Лос-Анджелесе, но и в Лондоне. Во всяком случае, так было до смерти ее отца, после которой она резко изменила свои привычки и не показывалась на публике несколько месяцев, до этого самого момента. И теперь, видя, как к ним поворачиваются все посетители, и слыша легкий шепоток, Маркус вдруг почувствовал острое желание защитить Эйвери.

Привыкший всегда брать быка за рога, он наклонил голову и прошептал:

– Похоже, ты вдруг стала главной темой местных разговоров.

– Просто некоторым людям больше нечем заняться, – коротко и грациозно кивнула Эйвери.

И хотя она привычно отмахнулась от назойливого внимания, по скрытой в ее словах горечи Маркус понял, как на самом деле не просто ей дается видимая невозмутимость. Как только ее узнали, она сразу же крепко сжала пальцы, лежавшие на его руке, а потом, когда им указали на их столик в нише, отделенной от остального зала, Маркус почти физически почувствовал ее облегчение.

– Судя по их реакции, можно подумать, что ты уже давно не показывалась в обществе, – осторожно заметил Маркус после того, как они уселись и взялись за меню. Ему совершенно не хотелось, чтобы она узнала, что он навел о ней справки.

– Да, я мало выходила, – признала Эйвери. – И это оказалось намного проще, чем я думала. Я говорю о том, чтобы забросить светскую жизнь.

Маркус потянулся через столик и легонько погладил ее по руке:

– Спасибо, что согласилась прийти сюда со мной.

И он скорее почувствовал, чем увидел ее реакцию на прикосновение. Рука Эйвери под его пальцами напряглась, а по коже побежали мурашки, как будто по ее телу прошла волна дрожи. А потом их глаза встретились, и Маркус увидел скрытое где-то глубоко в ее взгляде чувственное пламя желания. Но она быстро справилась с собственными чувствами, и теперь ему казалось, что он смотрит на заледеневшие озера. Мысленно пожав плечами, Маркус решил, что пока еще не стоит излишне на нее давить, ведь, в конце концов, так он не добьется своей цели, а лишь понапрасну ее встревожит. Хотя сейчас бы он не смог с точностью сказать, какая из этих причин была главнее – необходимость обезопасить грядущую сделку или острое, практически болезненное желание исследовать зародившуюся между ними связь.

* * *

– Всегда приятно, когда тебя куда-нибудь приглашают, – ответила Эйвери, просто чтобы взять себя в руки.

Однако скрыть свои чувства было намного проще, чем подавить их. И для нее стало настоящим откровением то, что такое простое прикосновение может вызвать у нее столь бурную реакцию. Маркус совсем легонько погладил ее кончиками пальцев, а она ощутила это так, словно тысячи крошечных молний пронзили ее кожу.

Да, определенно, Маркус Прайс чертовски опасен. Причем он не только грозит ее равновесию, но и яснее ясного представляет собой мужчину, вышедшего на охоту. Ни за что нельзя ослаблять оборону, а то мало ли на что он сможет ее уговорить.

Уже так давно никто не обращал на нее внимания просто ради нее самой, а не чтобы добиться чего-нибудь для себя. Хотя это никогда ее особо не волновало. У нее была пара близких друзей и множество знакомых, с которыми всегда можно было приятно провести время. Но после болезни и смерти отца Эйвери вдруг поняла, какой пустой и никчемной на самом деле стала ее жизнь. А еще она убедилась в том, что по-настоящему может положиться лишь на саму себя, если, конечно, останется верной себе.

И она говорила действительно то, что думала. Приятно, когда тебя куда-нибудь приглашают. Ведь до болезни отца ее приятели всегда звали ее с собой, а ее домашнее воспитание лишь усилило врожденную скромность, так что она всегда с радостью следовала за ними. Наверное, она так вела себя просто потому, что отчаянно хотела быть частью чего-нибудь, чего угодно, лишь бы чувствовать свою принадлежность. Но они просто ее использовали, и она им это позволяла, пытаясь убедить себя, что наслаждается глупыми однообразными вечеринками до утра, за которые, разумеется, платит только она.

При этих воспоминаниях Эйвери невольно почувствовала горечь во рту. Какой же наивной она когда-то была! Интересно, а Маркус чем-нибудь отличается от этих людей? Заставит ли он платить ее по счету? Ладно, поживем – увидим. В конце концов, он сразу же прямо заявил, зачем она ему понадобилась, так что не стоит обращать внимание на собственную дурацкую реакцию на его прикосновения и взгляды, ведь они сюда пришли вовсе не за этим. И Маркусу Прайсу придется сильно разочароваться, если он считает, что сможет уговорить ее хоть на что-нибудь, чего она сама не хочет.

Вот только, к немалому ее удивлению, Маркус оказался отличным собеседником, действительно разбирающимся в вопросах искусства. И она смогла по достоинству оценить его любовь к выбранной профессии и уверенность в собственном успехе, ведь он не просто хотел подняться по карьерной лестнице, а действительно любил и ценил те произведения искусства, с которыми ему доводилось работать.

Благодаря своему происхождению, Эйвери доводилось неоднократно сталкиваться как с людьми, глубоко ценившими картины, скульптуры и прочие произведения искусства, так и с теми, кто считал их лишь очередным выгодным вложением денег. И она уже давно научилась различать эти два типа людей. В отце уживались оба этих качества, и именно поэтому к нему так часто обращались различные люди, музеи и галереи с просьбой высказать свое мнение по различным вопросам и оценить некоторые произведения.

И Маркус в этом походил на ее отца. Он очень многое знал, тщательно обдумывал свои слова и при этом, что было хуже всего, еще и явно горел неподдельной страстью к искусству. Так что, когда они дошли до кофе и клубники со сливками, Эйвери вдруг поймала себя на том, что не хочет, чтобы этот вечер заканчивался.

В отличие от обычных ее кавалеров Маркус за весь ужин выпил лишь один бокал вина и, что было уж совсем необычно, не пытался напоить ее после того, как закончил пить сам. И самой большой неожиданностью стала его внимательность и обходительность, ведь после краткого телефонного разговора месяц назад и бесконечных звонков и писем, на которые она не отвечала, Эйвери представляла себе его как настырного и навязчивого. А он оказался совершенно не таким.

А когда Маркус уже попросил официанта принести счет, Эйвери вдруг поняла, что была бы рада познакомиться с ним при других обстоятельствах, при которых он бы не пытался раздобыть коллекцию ее покойного отца. И эта мысль ее резко отрезвила, ясно напомнив, что она пытается разглядеть за этим ужином то, чего там на самом деле нет, для Маркуса Прайса она всего лишь средство раздобыть желанную коллекцию. И не стоит об этом забывать.

Официант положил счет на стол, и Эйвери по привычке за ним потянулась, но рука Маркуса перехватила ее на полпути.

– И что ты, по-твоему, делаешь? – спросил он. Выглядел он одновременно озадаченно и уязвленно.

– А как это, по-твоему, выглядит? Разумеется, я хочу заплатить по счету.

И не надейся, – твердо возразил Маркус, отстраняя ее руку. – Просто не верится, как ты могла решить, будто я позвал тебя на ужин, рассчитывая, что ты заплатишь.

– Тогда давай заплатим пополам, ведь сегодня был такой замечательный вечер.

– Эйвери, я пригласил тебя в качестве моей гостьи. Да и в любом случае я никогда бы не стал ждать, чтобы ты платила по счету. – Маркус положил кредитку на стол и подозвал официанта.

– А, понятно. В конце концов, для тебя это лишь работа, – протянула Эйвери.

Маркус бросил на нее еще один взгляд, и теперь на его лице ясно читалось раздражение.

– Ты действительно так считаешь?

– А это не так?

– Начиналось все именно так, – признал Маркус, не сводя с нее взгляда.

Эйвери почувствовала, как в душе у нее расцветает надежда. Все так начиналось? А что теперь? Неужели его так же тянет к ней, как и ее к нему?

Но тут вернулся официант, и ей оставалось лишь молча смотреть, как Маркус ставит свою размашистую подпись на чеке и прибавляет чаевые наличными.

– Думаю, нам пора, – заметил Маркус, поднимаясь из-за стола.

И Эйвери сразу поняла, что нечаянно его обидела. А потом он обнял ее за талию и молча вывел из ресторана, не сказав ни единого слова, пока они ждали, чтобы им подогнали их машину. Затем Маркус любезно открыл дверцу, помог ей сесть и отвез домой. Но перед тем как выйти из машины, Эйвери повернулась к нему.

– Маркус, – начала она, – я не хотела тебя оскорбить.

И он ответил на ее взгляд, так что она смогла заметить ту секунду, когда его раздражение прошло. А потом он поднял руку и кончиками пальцев провел по ее щеке. И от этого легкого прикосновения ей захотелось большего. Захотелось его.

– Нет, это я виноват. Ведь ты права, у меня действительно были довольно прозаические мотивы, когда я приглашал тебя на ужин. Просто я тогда не думал, что из него выйдет нечто большее.

– Нечто большее?

– Да, – подтвердил он, придвигаясь к ней. – Это.

Рука, прикасавшаяся к ее щеке, перебралась на шею, а потом его губы мягко накрыли ее рот. И в эту самую секунду Эйвери глубоко вздохнула и сдалась. От этого нежного поцелуя, закончившегося чуть ли не раньше, чем он успел начаться, в ней проснулась целая буря чувств, а сердцу стало тесно в груди.

– Я хочу еще раз с тобой увидеться, Эйвери, – прошептал Маркус, прижимаясь лбом к ее лбу, все еще не убирая теплую руку с ее шеи и мягко массируя чувствительную кожу.

Каждая клеточка ее тела кричала «да!», но осторожность убеждала отказать. Ведь она поклялась, что никому и никогда не позволит себя снова использовать и не заведет друзей, жадных до ее денег, но не готовых ничего давать взамен, даже простой человеческой верности. Она еще раз вспомнила, каким Маркус был сегодня за ужином – обходительным, внимательным, добрым, спокойным. Настырным? Нет. И он ни словом не обмолвился о коллекции. Может, он все же отличается от других. Может, он даже действительно ее хочет. Возможно, даже так же сильно, как и она его с той самой секунды, когда увидела его впервые. И есть лишь один способ это узнать. Но готова ли она пойти на это? Эйвери глубоко вздохнула и ответила:

– Я тоже. Как насчет завтра?

– Отличная идея. С утра мне нужно зайти в пару галерей, но после обеда я с радостью к тебе вернусь.

– Договорились. Значит, завтра я тебя жду.

Эйвери смотрела, как отъезжает его машина, и гадала, правильно ли она поступила. Ждет ли ее очередное разочарование? Или самая большая радость за долгие-долгие месяцы?

Глава 4

Проворочавшись всю ночь без сна, с восходом солнца Эйвери с облегчением отбросила измятые простыни. Так, чтобы прояснить голову, а может, даже немного расслабиться, нужно искупаться. И о чем она вчера только думала? Она же выпила всего один бокал вина. Один! И все равно позволила Маркусу очаровать себя. Более того, она действительно хотела, чтобы он ее очаровывал.

Надев ярко-голубой купальник, Эйвери сбежала вниз по лестнице, чтобы окунуться в установленный еще отцом бассейн. А потом она плавала и плавала, пока все ее мышцы не начали жалобно молить о пощаде, так что, сделав еще четыре заплыва вдоль бассейна, она наконец-то вылезла из воды и опустилась на плитку, задыхаясь от нехватки кислорода. После такого бодрого начала дня тело расслабилось, а вот голова никак не хотела проясняться. У нее никак не получалось думать ни о чем, кроме Маркуса Прайса, а вместе с мыслями о нем вернулось и напряжение.

Завернувшись в полотенце, Эйвери пошла наверх, чтобы принять душ и переодеться. А потом, надев привычные джинсы и футболку, заглянула в студию за кистями и красками. Сегодня выдался на удивление солнечный день, так что Эйвери решила не тратить времени попусту и, последовав совету Маркуса, заняться светом, которого, по его словам, так не хватает ее картинам. Не забывая о завтраке, тем более что она точно знала, что миссис Джексон вскоре обязательно принесет ей кофе с булочкой, Эйвери сразу же отправилась в сад.

Вчера было так хмуро и пасмурно, что сегодняшнее солнце казалось еще светлее и теплее, и Эйвери с готовностью приступила к работе, краем глаза наблюдая, как садовник возится с розами. Приятно сознавать, что этот сад, так много значивший для отца, совсем скоро станет таким же, как прежде. Вот только даже здесь отец не подпускал ее к себе слишком близко. Для отца этот сад наполнен воспоминаниями о матери, а сама она маму почти не помнила, ведь та умерла, когда Эйвери было всего пять лет. Хотя отец рассказывал, как она наслаждалась работой в саду, как сажала цветы, как тщательно следила за работой садовников, чтобы убедиться, что ее питомцы получают все самое лучшее. Эти воспоминания заставляли отца раз за разом возвращаться сюда, ведь все здесь было пропитано ее любовью и заботой.

Сама же Эйвери больше всего любила воспоминания о мраморной статуе ангела, той самой, которой в детстве она изливала свое сердце, когда ей все реже удавалось увидеться с матерью. У мамы обнаружили рак во время беременности, но она упрямо отказывалась начинать лечение, пока не родилась Эйвери. И только потом она стала заботиться о себе и смогла прожить целых пять лет с любимой дочерью. И этот ангел всегда напоминал Эйвери о маме. Но когда после смерти мамы Эйвери через несколько недель пришла в сад, она обнаружила, что статуя исчезла.

Очевидно, этот ангел слишком сильно напоминал Форресту о покойной жене, так что он, недолго думая, продал его. А потом, найдя всхлипывающую дочку в саду в то время, как она уже давно должна была быть в постели, он с ужасом узнал, как много для нее значила эта статуя. Он долго пытался вернуть пропавшего ангела, но в итоге сдался, так и не сумев его отыскать. И недавно сама Эйвери начала поиски через Интернет, готовая заплатить за этого ангела практически любую цену.

А в процессе поисков она познакомилась со своим новым садовником на одном из форумов, созданных специально для поисков пропавших произведений искусства и предметов старины. Раньше он работал где-то в Штатах, но, увидев фотографии сада, сделанные еще при жизни ее матери, и современные, он написал, что собирается пару недель провести в Лондоне и хотел бы помочь ей привести сад в порядок.

Так что уже начавшая отчаиваться Эйвери, у которой никак не получалось справиться с садом своими силами, наняла его без всяких расспросов и рекомендаций. И пока что, по ее наблюдениям, единственным его недостатком было некоторое непостоянство, хотя, с другой стороны, не всем же хочется завести дом и семью. Вот только сама она была слишком домашней, чтобы понять, как так можно жить. Интересно, что он чувствует, сменив огромное ранчо на маленький лондонский садик? Ладно, как бы там ни было, Эйвери была ему очень благодарна, ведь он уже успел основательно преобразить сад.

Установив мольберт, Эйвери принялась за работу, негромко напевая.

– А ты выглядишь вполне счастливой, – вдруг заметил низкий мужской голос. – Приятно видеть.

Эйвери обернулась и увидела, как выпрямляется, выбираясь из зарослей, новый садовник. На вид ему было лет шестьдесят, но он все еще сохранял силу и гибкость, заработанную годами тяжелого физического труда, а из-под жутко потрепанной шляпы, которую по-хорошему следовало бы конфисковать на таможне, глядели пронзительные голубые глаза.

– Доброе утро, мисс Каллен. Ну разве сегодня не отличный денек?

– И вам доброе утро, мистер Уэллс. Да, погода сегодня просто замечательная, и, как я вижу, вы уже успели неплохо потрудиться.

– Зовите меня просто Тед, – улыбнулся садовник, отчего ей сразу же на ум пришли кинозвезды пятидесятых.

В молодости он наверняка был таким же – чертовски красивым и убедительным, с легкой чертовщинкой в лукаво прищуренных глазах.

– И вы всегда так счастливы, когда рисуете?

Эйвери вдруг почувствовала, что краснеет. Это совершенно не его дело, но ей почему-то казалось, что она должна ответить. Ведь больше у нее никого нет, нельзя же сваливать все на Маки. У той и так хватает забот с подготовкой к собственной свадьбе, переделкой гостиницы под театральную школу и открытием обычной школы. Так что подруге есть чем заняться, и не стоит понапрасну ее волновать рассказами о себе и Маркусе. А миссис Джексон, второй близкий человек в ее жизни, так сильно стремится ее защитить, что наверняка отругает уже за одни мысли о Маркусе.

А мистер Уэллс, с первого же дня общения на форуме, а потом и когда приехал сюда всего пару дней назад, сразу же завоевал доверие Эйвери.

– Просто я кое-кого встретила, – немного смущенно признала она. – И теперь пытаюсь понять, получится ли у нас что-нибудь.

– И какой он? Ты ему доверяешь? Эйвери лишь пожала плечами:

– Хороший вопрос. Я почти ничего не знаю о нем, хотя уже успела на практике убедиться, что он очень настойчивый и цепкий.

– Звучит неплохо.

– Это как посмотреть. Он хочет выставить отцовскую коллекцию на торги и упрямо отказывается слушать, когда я говорю, что не собираюсь ее продавать.

– А эта коллекция находится прямо здесь? – спросил он, поправляя шляпу.

– Нет, в Лос-Анджелесе.

– А есть какие-то конкретные причины, почему ты не хочешь ее продавать? – уточнил Тед.

Эйвери плотно сжала губы. И почему всем кажется, что она прямо-таки обязана продать эту коллекцию? Разве они не понимают, как много она значила для отца?

– Он работает на «Ваверли», и я не сомневаюсь в их профессиональных навыках. А что до причин, по которым я не хочу продавать коллекцию, то они слишком личные, – ответила Эйвери, даже не пытаясь скрыть легкого раздражения.

Тед Уэллс улыбнулся и кивнул:

– Личные так личные. Но, судя по тому, что мне доводилось слышать, «Ваверли» действительно неплохо разбираются в своем деле. И если тот парень, о котором ты говорила, действительно хорош, то, возможно, тебе следует попросить его помощи в поисках ангела. С его связями он наверняка сможет что-нибудь разузнать, к тому же, если он согласится тебе помочь, ты сможешь получить его узнать.

Немного подумав над словами Теда, Эйвери поняла – он прав. И сразу же почувствовала себя виноватой за глупую раздражительность.

– Слушай, извини, что я так резко тебе ответила.

– Все в порядке, просто ты не хочешь расставаться с коллекцией, и я могу это понять.

– Да, иногда мне кажется, что коллекция – это все, что мне осталось от отца. Ведь он так сильно ее любил.

Тед с сочувствием на нее посмотрел:

– Тебе кажется, что тебя он любил меньше?

Эйвери задумалась. Конечно, иногда ей казалось, что отец ее совсем не любит, но разве все дети время от времени не чувствуют то же самое? Может, отец и не стремился так открыто выражать свою любовь, как ей бы того хотелось, но он все равно оставался ее отцом. И где-то глубоко в душе она всегда знала, что он очень ее любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.